

М.С.Горбачев. «Так дальше жить нельзя»**10 марта 1985 г.**

...Я только вернулся вечером домой с работы, и сразу звонок академика Чазова с известием о смерти Черненко. Я связался с Тихоновым и другими членами ПБ и назначил заседание Политбюро на 11 часов вечера.

Мне нужна была встреча с Громыко: я считал, что нам следует объединить наши с ним усилия. Ведь, в общем-то, ответственность на всех нас – членов Политбюро – ложилась огромная.

Громыко оказался в Шереметьево. Разговор вел по закрытой связи из автомобиля. Я поставил его в известность о кончине Константина Черненко. Сообщил, что на 11 часов вечера назначено заседание Политбюро и попросил его приехать за 30 минут до начала заседания.

Мы встретились, как условились. Разговор был коротким. Я сказал, что все мы ожидали, что вот-вот это случится. Теперь это случилось, и нам надо принимать очень ответственное решение. Нельзя допустить ошибки:

- Люди ждут перемен. Они назрели. Их нельзя больше откладывать. Будет трудно, но надо решаться. Думаю, что в этой ситуации нам с вами нужно объединить усилия.

Громыко спокойно и твердо сказал:

- Согласен с Вашими оценками и принимаю ваше предложение.

- Ну что ж, договорились.

Это был с его и с моей стороны не простой шаг - трудный шаг навстречу. Хотя накануне этих событий, предвидя, куда они развиваются, нас пытались сблизить. Боле того, и с ним, и со мной на этот счет велись разговоры. Ни я, ни Громыко не пошли на какие-то демонстративные шаги, но понимание значения нашей более плотной совместной работы все-таки возникло.

...10 марта 11 часов ночи... К назначенному часу подъехали члены Политбюро и Секретариата ЦК.

Открыв заседание, я сообщил о случившемся. Встали, помолчали. Заслушали академика Чазова. Он кратко доложил историю болезни и обстоятельства смерти Константина Устиновича Черненко. Приняли решение о похоронах Генерального секретаря ЦК, назначили заседания Политбюро и Пленума ЦК КПСС на 11 марта.

Создали похоронную комиссию, включив в нее всех членов Политбюро. Когда встал вопрос о председателе комиссии, вышла небольшая заминка. Дело в том, что председателем комиссии по организации похорон умершего генсека, как правило, назначался будущий генсек. И Гришин вдруг говорит:

- А почему медлим с председателем? Все ведь ясно. Давайте Михаила Сергеевича... (Это был зондаж!)

Я призвал не торопиться, назначить пленум на 17 часов следующего дня, а Политбюро - на 14. У всех будет время - ночь и полдня - все обдумать, взвесить. Определимся на Политбюро и пойдем с этим на пленум.

...Всего 13 месяцев длилось пребывание Константина Черненко на посту Генерального секретаря. Теперь, естественно, встал вопрос о кандидатуре нового генсека. В конце концов, и мне пришлось самому задать себе вопрос: а что я сам думаю по этому поводу?

До меня доходила всякая информация на этот счет. В числе возможных претендентов все чаще называлось и мое имя. Но я до последнего момента считал: там видно будет. Но уже допускал для себя такую возможность. Ведь значительную часть своего времени я был занят ведением дел Политбюро и Секретариата. Я получил уникальный опыт. Многие прояснилось и в моих отношениях с людьми, и меня лучше узнали.

Вопреки интригам недоброжелателей само время, в конце концов, объективно и достаточно очевидно сработало за кандидатуру Горбачева.

11 марта 1985 г.

Было уже около четырех утра 11 марта, когда я приехал домой. Раиса меня ждала. Вышли мы с ней на территорию дачи: с самого начала проживания в Москве серьезные разговоры в квартире и на даче мы не вели - мало ли что. Долго ходили по тропинке в саду, обсуждая случившееся и возможные последствия.

Сейчас трудно в деталях восстановить тот наш разговор. Очень хорошо помню последние слова, сказанные мною в ту ночь:

- Понимаешь, ехал я в Москву с надеждой и верой в то, что смогу что-то сделать, но пока мало что удалось. Поэтому, если я действительно хочу что-то изменить, надо принимать предложение, если, конечно, оно последует. Ты же видишь: так дальше жить нельзя.

Утром позвонил Егор Лигачев, сказал, что его буквально атакуют первые секретари, идут один за другим, допрашивают, каково мнение Политбюро по поводу будущего генсека.

Я отправился в ЦК: впереди - Политбюро и пленум.

Много еще и сейчас гуляет всяких слухов по поводу тех событий. Будто разразилась настоящая схватка, было несколько кандидатур на пост генсека, и Политбюро вышло на пленум, так ни о чем и не договорившись. Все это байки, досужие домыслы. Ничего этого не было. Об этом известно непосредственным участникам событий, часть которых в полном здравии и сейчас.

Да, проблемы преемника в связи с резким ухудшением состояния здоровья Черненко обсуждались, кое-кто прицеливался, прояснял свой шанс. Партийный аппарат ЦК в те дни только этим и занимался.

То, что в самом составе руководства существуют группировки, уже не было секретом.

Были и те, кто не хотел моего избрания. Как-то незадолго до кончины генсека Чебриков, возглавлявший в то время КГБ, рассказал мне о своей беседе с Тихоновым. Тот пытался убедить Чебрикова в недопустимости

моего избрания. Чебриков заметил при этом, что Тихонов никакой другой фамилии не упоминал:

- Неужели сам претендуешь на это место, подумал я, - сказал мне Чебриков.

В то же время мои недоброжелатели не могли не знать о настроениях в обществе, о позиции первых секретарей, среди которых все больше зрела решимость не допустить, чтобы Политбюро вновь протащило на высший пост старого, больного или слабого человека.

Несколько групп первых секретарей обкомов посетили меня. Призывали занять твердую позицию и взять на себя обязанности генсека. В беседе с одной из таких групп мне заявили, что сложилось организационное ядро и что они не намерены больше позволять Политбюро решать подобного рода вопросы без учета мнения членов ЦК.

Не было Устинова, на поддержку которого можно было бы рассчитывать.

Хочу особо отметить, что никому, даже Лигачеву и Рыжкову, я не сказал определенно ни «да», ни «нет». Почему? Мне надо было выяснить все до конца. Я ведь понимал, о чем идет речь, в каком положении находится страна, что надо делать с кадрами. И если я пройду, получив только, как говорят, 50 процентов плюс один голос или что-то в этом роде, если избрание не будет отражением общего настроения, мне будет не по силам решать вставшие проблемы. Прямо скажу: если бы в Политбюро и в ЦК возникла дискуссия по этому вопросу, я снял бы свою кандидатуру, потому что для меня уже было ясно, что мы должны, выражаясь словами наших итальянских друзей, «пойти далеко».

В 14 часов я занял место председательствующего - в последнее время это было моим обычным местом - и, открыв заседание, сказал, что от имени Политбюро мы должны внести на пленум ЦК предложение о Генеральном секретаре: у всех была возможность все обдумать и взвесить.

Сразу встал Громыко и предложил мою кандидатуру, кратко аргументируя свое предложение. Некоторые мысли перекликались с тем, что он потом сказал на пленуме. Вслед за ним взял слово Тихонов. Поддержали все. Было сказано, что мы уже фактически так и работаем, и с этим надо выходить на пленум.

Лигачев, выступая на XIX партконференции, говорил: «Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность».

Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов на мартовском пленуме ЦК было принято единственно правильное решение».

Не знаю, что хотел он этим сказать. То ли, что именно ему и названным им лицам обязан я своим избранием и что они предотвратили некую опасность, нависшую над страной? Ради прояснения истины приведу без комментариев выдержки из рабочей записи того заседания Политбюро.

«ГРОМЫКО. Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Когда заглядываем в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-либо щель в наших отношениях. Хочу еще раз подчеркнуть, что Горбачев обладает большими знаниями, значительным опытом, но этот опыт должен быть помножен на наш опыт. И мы обещаем оказывать новому Генеральному секретарю ЦК КПСС всевозможное содействие и помощь».

ТИХОНОВ. Что я могу сказать о Михаиле Сергеевиче? Это контактный человек, с ним можно обсуждать вопросы, обсуждать на самом

высоком уровне. Это - первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике.

ГРИШИН. Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, в какой-то мере предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам. На мой взгляд, он в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК.

КУНАЕВ. Я хочу доложить вам, мне поручено сказать на заседании Политбюро о том, что, как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

РОМАНОВ. Он эрудированный человек. Например, очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса. Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма. Считаю, что он будет полностью обеспечивать преемственность руководства в нашей партии и вполне справится с теми обязанностями, которые будут на него возложены.

ВОРОТНИКОВ. Сама логика жизни подвела нас к этому решению. Важнейшие качества Михаила Сергеевича - ответственность, умение прислушиваться к мнению других, знание дела. Вот почему он завоевал большой авторитет среди партийного актива. И все товарищи (а мне пришлось встретиться сегодня с большим числом представителей областных партийных организаций России) высказываются за то, чтобы избрать т.Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС.

ПОНОМАРЕВ. В последнее время мы много занимались новой редакцией Программы партии. И я лично убедился, что он глубоко владеет марксистско-ленинской теорией, умеет разбираться в самых сложных программных вопросах.

ЧЕБРИКОВ. Я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот с учетом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру т.Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

ДОЛГИХ. Все мы едины в том мнении, что у него за плечами не только большой опыт, но и будущее.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Я знал Михаила Сергеевича Горбачева еще до его работы секретарем ЦК КПСС. Скажу прямо - такое решение ждет сегодня страна и партия.

ЛИГАЧЕВ. Для Михаила Сергеевича Горбачева характерен большой азарт в работе, стремление к поиску в малых и больших делах, умение организовать дело. А это, как вы понимаете, имеет огромное значение для всей партийно-организационной работы... Горбачев пользуется большим уважением в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях, в активе нашей партии, в народе в целом.

ГОРБАЧЕВ. Мы переживаем очень сложное, переломное время. Нашей экономике нужен большой динамизм. Этот динамизм нужен и нашей демократии, нашей внешней политике. ...Вижу свою задачу прежде всего в том, чтобы вместе с вами искать новые решения, пути дальнейшего движения нашей страны вперед... Нам надо набирать темпы, двигаться вперед...»

На заседании Политбюро не было Щербицкого. Он во главе парламентской делегации был в Америке и вернулся уже к самому пленуму. Академик Арбатов, который был с ним в поездке, утверждал, что Щербицкий сразу принял решение возвращаться и твердо сказал, что будет поддерживать Горбачева.

Впереди был пленум. Из обмена мнениями с товарищами, каждый из которых зондировал обстановку в ЦК, было очевидно: мнения членов Центрального Комитета сложились в пользу моей кандидатуры.

В пять часов начался пленум. Андрей Андреевич Громыко по поручению Политбюро предложил мою кандидатуру на пост Генерального секретаря ЦК. Произнесенная им речь производила впечатление экспромта и оттого казалась особенно искренней, несла мощный эмоциональный заряд.

Я был взволнован: никогда раньше мне не приходилось слышать о себе таких слов, такой высокой оценки.

...Все ждали, что же будет сказано новым генсеком. Конечно, предчувствуя исход дела на пленуме ЦК, я размышлял о своем возможном выступлении. Принципиально важным было сразу подчеркнуть преимущество стратегической линии на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Достичь этого можно только при условии перевода народного хозяйства на рельсы интенсивного развития, используя достижения научно-технического прогресса.

Особо, как важнейшую задачу выделял необходимость совершенствования хозяйственного механизма и всей системы управления. Неотъемлемой целью нашей работы должно стать усиление внимания к социальной политике, развитию демократии, общественного сознания.

Не должны быть обойдены вопросы укрепления порядка, дисциплины, законности.

Что касается внешней политики, моя позиция была определенной - наш курс нацелен на сохранение мира: «Мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений - и потому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия».

Наконец, надо было перед всем обществом заявить, что КПСС - это та сила, которая способна объединить общество, поднять его на огромные перемены, которые назрели и необходимы, и что мы стоим перед серьезным выбором, и что настроения у руководства самые решительные.

...Я надеялся, что все предложенное мною найдет отклик. Позиции по внутриполитическим проблемам, да и вся речь, получили поддержку пленума.

Во время похорон Константина Устиновича Черненко состоялись мои встречи с «основными действующими лицами», приехавшими из-за границы. Я решил, что буду беседовать в присутствии министра иностранных дел. Так мы и сделали. Встречи были содержательные, и было их много. С Бушем, Шульцем, Колем, Миттераном, Тэтчер. Интересная беседа состоялась с Накасонэ.

Тогда же, несмотря на все сложности, я решил отдельно встретиться с руководителями стран Варшавского Договора. Я посчитал нужным сказать им, что они могут исходить из того, что мы будем уважать независимость и самостоятельность наших друзей. Руководство каждой из правящих партий должно отвечать за выработку и осуществление своей политики перед своей партией, перед своим народом. Мы же будем действовать в целях продолжения и развития наших широких связей, сотрудничества, подтверждая обязательства, которые взяли на себя. Основной смысл сводился к тому, что мы не будем вмешиваться в их дела. По сути дела, это означало отказ от так называемой «доктрины Брежнева»*.

Мне тогда показалось, а впоследствии это подтвердила сама жизнь, ход последующих событий, что некоторые из руководителей соцстран отнеслись к этому моему заявлению и моим суждениям как к обычному стереотипному заявлению моих предшественников – генеральных секретарей ЦК КПСС. В душе они считали, что на самом деле все будет продолжаться так, как оно и было. Мы остались верными этому своему заявлению до конца, на протяжении всей моей работы по демократизации международных

* «Доктрина Брежнева» или «Доктрина ограниченного суверенитета» - сформированная западными политиками и общественными деятелями характеристика советской внешней политики при Брежневе. Подразумевалось представление о том, что СССР вправе вмешиваться во внутренние дела стран Варшавского Договора в случае угрозы для целостности «социалистического содружества». Этот подход стал идеологическим обоснованием вмешательства стран Варшавского Договора во главе с СССР в Чехословакию в августе 1968 года.

отношений и ликвидации холодной войны, в том числе и тогда, когда начались острые процессы перемен в самих этих странах...

В СССР менее чем за три года, один за другим, ушли из жизни три генеральных секретаря, три лидера страны, несколько наиболее видных членов Политбюро. В конце 1980 года скончался Косыгин. В январе 1982 года умер Сулов. В ноябре - Брежнев. В мае 1983 года - Пельше. В феврале 1984-го - Андропов. В декабре - Устинов. В марте 1985-го - Черненко.

Был во всем этом какой-то символический знак. Умирала сама система, ее застойная, старческая кровь уже не имела жизненных сил.

Я понимал, какое бремя на меня ложится.

...Дома встретили меня торжественно. Все были взволнованны, но ощущалась и тревога. Раиса вспомнила в своей книге (это у нее в дневниках было), что внучка Ксения сказала мне:

- Дедуленька, я тебя поздравляю, желаю тебе здоровья, счастья и хорошо кушать кашу.

«Расхлебывать кашу» мне действительно пришлось...

Когда в предшествующую пленуму ночь мы говорили с Раисой о том, что, возможно, встанет вопрос о моей кандидатуре на пост генсека, она прореагировала так:

- Я даже не знаю - хорошо это или плохо?

...Тогда же я ей рассказал о том, о чем никогда не говорил. Во время одной из бесед с Ю.В.Андроповым он вдруг сказал буквально следующее:

- И вообще ты не замыкайся в своих аграрных делах. Занимайся всеми вопросами внутренней и внешней политики. Ты должен исходить из того, что вдруг, может быть, завтра на тебя ляжет вся ответственность.

Я был просто ошарашен тем, насколько откровенно и прямо это было сказано.

Последовал вопрос Андропова:

- Ты не понимаешь, о чем я говорю?

- Я хорошо понимаю. Но думаю, к чему этот разговор?

- Это разговор между нами.

- Хорошо. Я понял.

Раиса с удивлением смотрела на меня.

...Между прочим, совсем недавно, когда снимали фильм о канцлере ФРГ Коле, и я был его собеседником в фильме, Гельмут поделился воспоминаниями, которые для меня были новостью. Во время своего официального визита в СССР при Андропове у канцлера состоялась беседа с ним, которая произвела на него большое впечатление. В беседе Коль спросил Андропова: «А кого Вы готовите себе в преемники, на кого имеете виды?». Получилось так, что он как бы увязал этот вопрос со здоровьем Юрия Владимировича. Потом понял, что допустил бестактность. Поэтому добавил:

- Я имел в виду, что каждый из нас ходит под Господом Богом.

Сегодня живет, а завтра...

Андропов сказал, что ставку делает на Секретаря ЦК Горбачева.

Пошли первые дни работы нового генсека. Семья тоже сразу оказалась в другом положении. Все это надо было понять, оценить и определиться, как должна складываться наша жизнь. Все последующие годы мы будем вынуждены считаться с обстоятельствами, ибо не только я, но и Раиса, все члены семьи окажутся под пристальным взглядом всего общества.

Раиса до этих событий думала о докторской диссертации, установила связи с коллегами и собиралась представить на утверждение тему диссертации. После марта 85-го года надо было решить и этот вопрос: продолжать или все отложить. Она сама пришла к выводу и сказала мне:

- Я так понимаю, что мне надо оставить все эти дела до лучших времен.

Так и решили.

М.С.Горбачев. Наедине с собой. М., Грин-стрит. 2012. С.384-396